

Впереди уже разделились на три команды, а остальные легко распределились: Чу Хуайцинъ с младшей сестрой, монашек, потерявший сначала сестру, а затем Су Хуайчэня, решил идти один, Линь Юнфу и Су Фэйчэнь образовали команду, Пак Пён и Ань Шунань — ещё одну. Все отправились в путь.

Двенадцать человек разделились на семь команд, и все выбрали маршрут АЗ, так как по расстоянию он был самым коротким, но и самым сложным.

С самого утра самые выносливые уже ушли далеко вперёд, а Чу Хуайцинъ с младшей сестрой шли последними. Оба не отличались хорошей физической формой. Раньше младшая сестра получала помощь от монашка, неся рюкзак, и её периодически подтягивали, но теперь рюкзак пришлось нести самой, и её шаги замедлились. Чу Хуайцинъ, естественно, тоже шёл медленно, опираясь на палку, и они едва успевали за группой. К полудню они только поднялись на половину горы.

Их медленный темп раздражал зрителей в прямом эфире. Из восьми стримов их личный канал терял зрителей, а основной эфир больше показывал тех, кто шёл впереди: Тун Тяо, Су Хуайчэнь, Бин Сян и Фэн Шань.

За ними следовали Пак Пён и Ань Шунань. Ся Шан и монашек, неожиданно, тоже шли медленно, то отставая, то снова возвращаясь на путь, но при этом находили много еды. Зрители не могли понять, что происходит, пока Ся Шан не начал «случайно» ронять найденный маниок и папайю на землю, а затем прятаться в кустах. Все стали догадываться, что происходит.

— О, откуда здесь маниок и папайя?

Монашек, с корзиной за спиной, удивлённо обошёл разбросанную еду и пробормотал:

— Может, это чёрный медведь собрал? Может, они ядовитые? Брат и младшая сестра идут сзади, если они подберут и съедят, будет беда.

С этими словами монашек использовал «невидимую ногу из Фошани», чтобы пнуть маниок и папайю в сторону густых кустов.

— Хи-хи, мои навыки улучшились, круто.

Монашек с довольным видом хлопнул себя по рукам, снял корзину и выложил найденный маниок и лесную землянику на землю, аккуратно подстелив большие листья.

— Так не будет грязи, брат и младшая сестра точно подберут.

Прямой эфир: ...

Ся Шан, получивший маниоком по голове и прятавшийся в кустах: ...

— Мне нужно найти место, чтобы спрятаться.

Монашек, довольный собой, решил, что кусты, куда он пнул маниок, подойдут, и, повернувшись, увидел перед собой Ся Шана с мрачным лицом.

Монашек сначала удивился, а затем радостно подпрыгнул:

— Ся Шан, ты ещё здесь? Я думал, ты уже впереди. Почему ты так медлишь? Ты знаешь, что брат и младшая сестра идут последними? Они...

— Это ты пнул маниок?

— Да, а ты откуда знаешь?

Монашек невинно моргнул, а Ся Шан лишь усмехнулся и безжалостно схватил его за шею, мрачно прошептав:

— Это я нашёл, я положил.

— Кх-кх, я не знал, спасите!

Монашек, с корзиной за спиной, не мог легко освободиться, и ему пришлось схватиться за ухо Ся Шана. Тот от неожиданности вздрогнул, затем разозлился и тоже схватил монашка за ухо...

Они начали драться, и все ожидали, что они сейчас подерутся, но вдруг резко оттолкнули друг друга и с максимальной скоростью спрятались в кустах. Оба выбрали самое густое место и снова оказались рядом, уставившись друг на друга.

— Что они делают?

— Почему они так быстро разошлись? Я ещё не насмотрелся, кто победит, вернитесь и продолжите!

— Нет, Ся Шан же раскидал маниок, чтобы Чу Хуайцинъ подобрал, но не ожидал, что монашек окажется сзади?

— Похоже на то. Но разве это не нарушение правил?

— Режиссёр не говорил, что это запрещено.

Зрители: похоже, так и есть.

— Но почему они вдруг спрятались?

— Посмотрите стрим Чу Хуайциня, он с младшей сестрой идут по тропе вниз, скоро поднимутся.

Кто-то из зрителей написал это, и все из основного эфира переключились на личный канал Чу Хуайциня. Действительно, они увидели, как он с младшей сестрой медленно поднимаются. Тем временем Ся Шан снова выбросил маниок, который монашек пнул, на тропу. Через несколько минут Чу Хуайцинъ и Линь Чжинань наконец дошли до разбросанного маниока, папайи и аккуратно разложенной на листьях лесной земляники.

— Брат, сколько тут маниока, ещё земляника и папайя. Можно есть?

Линь Чжинань потрогала живот, сейчас уже полдень, и восковая тыква давно переварилась, она очень голодна.

Чу Хуайцинъ осмотрелся, затем задумчиво посмотрел на еду.

— Брат?

— Можно есть.

Чу Хуайцинъ разрешил, и младшая сестра быстро присела, чтобы сложить еду в ловушку для креветок. Корзину с травой, которая была тяжёлой, монашек нёс сам, а Линь Чжинанъ взяла ловушку, чтобы сложить еду, она была как раз подходящего размера для одного-двух приёмов пищи.

— Пойдём вперёд, сварим маниок.

В тени деревьев Чу Хуайцинъ, чья физическая форма была ещё неплохой, взял ловушку, и они пошли вперёд. Возможность поесть обрадовала Линь Чжинанъ, и она быстро побежала вперёд, чтобы снять рюкзак и собрать дрова.

Очистив маниок и нарезав его на куски, они разожгли огонь и начали варить.

— Брат, мы, кажется, сварили слишком много.

Линь Чжинанъ немного сомневалась, хотя котелок был небольшим, но они сварили всё, что нашли, и это было больше, чем они могли съесть.

Чу Хуайцинъ улыбнулся:

— Не много.

Маниок для безопасности проварили три раза, а затем начали медленно тушить. Процесс занял некоторое время, и они решили вздремнуть. Тем временем двое, прятаясь в кустах, страдали от комаров.

— Зачем мы здесь прячемся?

Монашек вдруг задумался.

— Потому что я с ним не помирился.

Ся Шан ответил без эмоций.

— Но у меня с братом нет конфликта!

Монашек понял и уже собирался встать, но Ся Шан резко потянул его вниз, прижав, и сердито прошипел:

— Тебе нельзя идти.

— Почему?

Монашек был озадачен.

— Разве режиссёр Хуан не сказал? Максимум два человека в союзе.

— Кажется, так.

Монашек кивнул, понял, и снова лёг в кусты.

Прямой эфир: ...

Через сорок минут Чу Хуайцинъ проснулся, разбудил Линь Чжинанъ, и они съели несколько

кусков маниока, затем открыли папайю. Остатки еды Линь Чжинань хотела забрать с собой, но Чу Хуайцинъ остановил её.

— Оставь здесь. Кто-то ещё съест.

— Разве кто-то идёт за нами?

Линь Чжинань удивилась, разве они не должны были идти последними?

Через некоторое время Ся Шан и монашек вылезли из кустов и первым делом бросились к оставленному маниоку и половине папайи, лежавшим на банановых листьях.

— Это моё, младшая сестра оставила мне.

— Врёшь, это Чу Хуайцинъ оставил мне.

— Это мой маниок, я узнаю его.

— У тебя плохое зрение, вот его изгиб, его цвет, я всё помню, это мой.

Двое, обладающие навыками боевых искусств, чуть не подрались из-за еды.

Прямой эфир: У этих двоих отличное зрение, даже очищенный маниок они узнают.

С Ся Шаном и монашкой, следующими за ними, Чу Хуайцинъ и младшая сестра не голодали, но отставание от основной группы увеличивалось. В первый день они ещё были на одной горе, на второй и третий дни остальные уже перешли на другие вершины, а они только покинули первую гору.

Зрители, сначала подбадривавшие их, постепенно начали сомневаться, считая, что их поражение уже близко, и осталось лишь дожидаться финального удара.

— Ладно, основной эфир может больше не показывать их, пусть больше фокусируется на других.

— Я изначально болел за Чу Хуайциню, и признаю, что он много сделал для команды, но после её распада он действительно не смог конкурировать.

— Я больше всего верю в Тун Тяо, Бин Сяна, Ся Шана, монашка и Фэн Шаня.

<http://bllate.org/book/16333/1474702>